

Опубликовано:

Сенявская Е.С. Образ Турции как противника России в Первой мировой войне в сознании армии и общества // Россия и мир: из истории взаимовосприятия. Вып. 5. М.: ИРИ РАН, 2009. С. 142-152.

Е.С. Сенявская

ОБРАЗ ТУРЦИИ КАК ПРОТИВНИКА РОССИИ В ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ В СОЗНАНИИ АРМИИ И ОБЩЕСТВА**

Причины участия Турции в Первой мировой войне против России коренились как в давних геополитических противоречиях и соперничестве двух государств, так и в ставшей в начале XX века влиятельной идеологии пантюркизма. Один из главных идеологов пантюркизма Зия Гекальп утверждал: «Политические границы родины турок охватывают всю территорию, где слышна тюркская речь и где имеется тюркская культура». И патетически вопрошал: «Где ныне Туран? Где же Крым? Что стало с Кавказом? От Казани до Тибета везде только русские»¹. Тюрки объявлялись «чистокровной высшей расой», призванной господствовать над другими народами. В 1910 г. на обсуждение турецкого меджлиса (парламента) была вынесена резолюция о запрещении туркам вступать в смешанные браки, а на съезде партии «Иттихад» выдвинут лозунг «Турция - только для турок». При этом доказывалось, что в государстве не должно остаться места ни армянам, ни грекам. Выступавший на этом съезде доктор Назым ставил вопрос о полном уничтожении армян - как единственно возможном решении «армянского вопроса», поскольку «существование армянской государственности в ... восточных вилайетах ... было бы могильным камнем для нашей программы туранизма». Говорил он и о том, где именно следует возрождать «Великий Туран»: «На Востоке в Азии имеются беспредельные просторы и возможности для нашего развития и расширения. Не забывайте, что наши предки пришли из Турана, и сегодня в Закавказье, как и к востоку от Каспийского моря на просторных землях тюркоязычные племена составляют почти сплошное население, находящееся, увы, под ярмом нашего векового врага - России. Только в этом направлении открыты наши политические горизонты,

** Статья подготовлена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда (проект № 05-01-01086а).

¹ Шамбаров В. За веру, Царя и Отечество. М., 2003. С. 74.

и нам остается выполнить наш священный долг: осуществить объединение тюркских племен от Каспийского до Желтого моря...»². Турецких солдат воспитывали в духе мести «неверным», призывали «отомстить за честь турок», над которой «надругались» в 1912 г., а газета «Азм» писала 1 июля 1913 г.: «Каждый солдат должен вернуться к дням варварства, жаждать крови, быть безжалостным, убивая детей, женщин, стариков и больных, пренебрегать имуществом, честью, жизнью других»³.

Российский Кавказ и Среднюю Азию в 1908-1914 гг. «буквально наводнили турецкие эмиссары и агенты, действующие под видом купцов, паломников, путешественников», которые «вели пропаганду, искали связи с антирусскими силами, организовывали центры подрывной деятельности»⁴. Однако не слишком надеясь на собственные силы в осуществлении своих планов по созданию Великого Турана, турки в канун Первой мировой войны большие надежды возлагали на союз с немцами. Так, другой видный деятель партии «Иттихад» Текин Альп писал: «Если русский деспотизм... будет уничтожен храбрыми армиями Германии, Австро-Венгрии, Турции, тогда от 30 до 40 миллионов турок получат независимость. Вместе с 10 миллионами османских турок они образуют нацию, ... которая так продвинется вперед к великой цивилизации, что, вероятно, сможет сравняться с германской цивилизацией... В некотором отношении она достигнет превосходства над вырождающейся французской и английской цивилизацией»⁵.

В самом начале Первой мировой войны, в секретной телеграмме от 3 августа 1914 г. посол России в Константинополе М.Н. Гирс писал: «По отзыву нашего военного агента, турецкая армия в настоящий момент в таком состоянии, что не представляет для нас пока опасности», но уже 27 августа с тревогой констатировал: «Положение дел на французском театре боевых действий сильно возбуждает турок, считающих, что общая победа вполне будто бы обеспечена за Германией. В виду этого временное, сравнительно благоприятное, впечатление, произведенное на Порту нашим предложением письменно гарантировать неприкосновенность территории Турции, сильно сглаживается, и она не проявляет особого нетерпения связать себя с нами»⁶.

Министр иностранных дел России С.Д. Сазонов в секретной телеграмме директору дипломатической канцелярии при штабе Верховного главнокомандующего от 29 августа 1914 г. подчеркивал, как «важно сохранить мирные отношения с Турцией, пока не определится

² Там же. С. 74-75.

³ Там же. С. 75.

⁴ Там же. С. 75-76.

⁵ Там же. С. 75.

⁶ Царская Россия в мировой войне. Л., 1925. Т. 1. С. 6, 31.

решительный перевес русско-французских войск над австро-германскими», и что «с общей политической точки зрения, разделяемой Францией и Англией, весьма важно, чтобы война с Турцией, если бы она оказалась неизбежной, была бы вызвана самой Турцией»⁷.

5 октября 1914 г. М.Н. Гирс пишет из Константинополя, что «война вероятнее всего неизбежна», «весь вопрос в том, когда именно и при каких условиях она наступит», и высказывает предположение, что немцы могут спровоцировать вступление Турции в войну или турки решатся на это сами «в случае успеха наших противников»⁸. 29 октября Сазонов сообщает Гирсу о том, что «турки открыли военные действия против незащищенного порта Феодосии и канонерки, стоявшей в одесском порту»⁹. Вслед за Феодосией и Одессой, были обстреляны Севастополь и Новороссийск. «Впечатление в обществе очень велико», «нападение турок нашло отклик в самых глубинах русского сознания»¹⁰, - записал в эти дни французский посол при Русском Дворе в 1914-1917 гг. Морис Палеолог.

В действительности удар по городам на черноморском побережье России был нанесен двумя германскими крейсерами «Гебен» и «Бреслау», офицеры и матросы которых по приказу назначенного командующим турецкими военно-морскими силами немецкого контр-адмирала Сушона сменили бескозырки на фески, спустили на кораблях немецкий флаг и вывесили турецкий¹¹. Провокация удалась - в ответ на враждебные действия кораблей под турецким флагом Россия, а затем Англия и Франция объявили Турции войну. Таким образом, Османская империя вступила в нее на стороне держав Центрального блока.

2 ноября 1914 г. Николай II обратился с манифестом к русскому народу: «...Предводимый германцами турецкий флот осмелился вероломно напасть на наше Черноморское побережье... Вместе со всем народом русским мы непреклонно верим, что нынешнее безрассудное вмешательство Турции в военные действия только ускорит роковой для нее ход событий и откроет России путь к разрешению завещанных ей предками исторических задач на берегах Черного моря»¹².

На Кавказе образовался новый театр военных действий между Россией и Турцией. Здесь в 1915 г. русская армия провела ряд успешных военных операций, что привело к взятию крепости Эрзерум и порта Трапезунд - главных баз турок для действия против российского Закавказья.

⁷ Там же. С. 33.

⁸ Там же. С. 49.

⁹ Там же. С. 54.

¹⁰ *Палеолог М.* Царская Россия во время мировой войны. М., 1991. С. 123-124.

¹¹ Мировые войны XX века. Кн. 2. Первая мировая война. Документы и материалы. М., 2002. С. 378.

¹² Там же. С. 380.

На турецкой территории, куда вступили русские войска, им пришлось соприкоснуться не только с турками, но и другими этническими группами мусульманского (курды) и христианского населения (армяне, ассирийцы - «айсоры»), часть из которого, прежде всего христиане, были настроены враждебно к туркам и преследуемы ими, и, соответственно, встречали русских как своих защитников и освободителей. И айсоры, и курды воспринимались русскими как «дикие племена», однако, первые, христианские, - с сочувствием как единоверцы и жертвы массового террора, вторые, мусульманские - враждебно.

Курды были воинственными племенами, с которыми приходилось сражаться русской армии на Кавказском фронте: «Курды - как кочевники, отсюда и полуразбойники - все вооружены огнестрельным оружием и ножами. Молодой курд, не имеющий винтовки, не может жениться, то есть никто за него не выйдет замуж, как за недостойного. Кроме того, перед войной турецкое правительство выдало всем курдам десятизарядные винтовки старого образца со свинцовыми пулями»¹³. Интересную характеристику курдам дает в своих «Записках» казачий офицер Ф.И. Елисеев, оставивший ценные воспоминания о событиях на «периферийном» фронте Первой мировой войны: «Стариннейший народ. Все кочевники», «мусульмане», однако «мечетей у них нет, или они очень редки и примитивны - это просто сараи»; «Живут они древними своими обычаями. Турок недолюбливают...». Оценивая воинственность этого народа, отмечает, что «всякий курд счастлив и обязан иметь какое-либо ружье. Они предпочитают патроны со свинцовой пулей. Такая пуля делает рваные раны, заражает их, и в большинстве случаев смертельный исход неизбежен». И приходит к неожиданному выводу, сравнивая себя с противником: «В общем, курды народ хороший, и мы их даже полюбили. Из них получились бы отличные конные полки, наподобие казачьих. Да таковыми они и были в Турецкой армии - как иррегулярные конные части»¹⁴. Жестокое сопротивление курдов он связывает с бесцеремонным поведением русских войск в отношении местного населения с первобытным еще сознанием и традиционным укладом: «При таком положении побежденного даже европеец взялся бы за нож для защиты своей семьи, чести. А ведь курд был самый настоящий полудикарь, разбойник, воинственный человек, к тому же мусульманин. Вот почему он и стрелял в русского солдата при удобном случае...»¹⁵

¹³ Елисеев Ф.И. Казаки на Кавказском фронте. 1915-1917: Записки полковника Кубанского казачьего войска в тринадцати брошюрах-тетрадах. М., 2001. С. 106-107.

¹⁴ Там же. С. 143-144.

¹⁵ Там же. С. 144.

Русские видели жестокость курдов, но сначала недооценивали их боеспособность: «Они также защищали свое отечество, как и мы свое. Местные курды отлично знали свою гористо-пересеченную местность, которую мы, завоеватели, не знали. ...Мы, упоенные успехами первых дней войны, силы и сопротивление курдов не считали серьезными, равными отпору настоящей регулярной армии. Полудикие воинственные курды, ... всегда вооруженные винтовками и ножами, они, при превосходстве своих сил, были храбры и дерзки»¹⁶.

Ненависть к неприятелю добавили поступающие со всех сторон известия о геноциде армянского населения в Турции весной 1915 г. Сигналом к началу террора, возведенного в ранг государственной политики Стамбула и направленной на уничтожение самого слова «Армения» в Турции, послужило восстание армянского и ассирийского населения горной области Хеккяри юго-восточнее озера Ван, поднятое 11 апреля 1915 г. с целью обеспечить быстрое овладение городом Ван наступающими русскими войсками. Кроме того, по мере продвижения российской армии вглубь Восточной Анатолии армяне в ряде мест формировали партизанские отряды, выступали в качестве проводников, переводчиков, разведчиков при русских войсках.

Всеобщая депортация армянского населения, известного своими симпатиями к России и Антанте, а потому рассматривавшегося турецким правительством как «потенциальный сообщник врага», из Западной Армении в пустынные области Северной Месопотамии сопровождалась массовой резней, жертвами которой, по разным данным, стали от 600 тыс. до 1,4 млн армян и полмиллиона ассирийцев¹⁷. После решения турецких властей о проведении «акции», генерал-губернаторам восточно-анатолийских вилайетов был разослан циркуляр: «Каждый мусульманин будет подвергнут смертной казни на месте, если приютит у себя какого-нибудь армянина»¹⁸. Еще на месте, в Западной Армении, уничтожались мужчины, способные к сопротивлению. Женщины, старики и дети сгонялись в «караваны смерти», на которые по дороге к месту депортации нападали мусульманские племена, продолжая резню беззащитных людей. Оставшиеся в живых и добравшиеся до концлагерей в Месопотамии переселенцы в большинстве своем погибли уже там из-за невыносимых условий содержания. В резне армян и христиан-айсоров «отличились» не только турки, но и курды.

По многочисленным оценкам, армянские добровольческие дружины были ценными помощниками русским войскам в их операциях против турок. «Их дисциплина и вся суть

¹⁶ Там же. С. 70.

¹⁷ Шкундин Г.Д. Болгария и Турция в «объятиях» германского союзника // Мировые войны XX века. Кн. 1. Первая мировая война. Исторический очерк. М., 2002. С. 459.

¹⁸ Там же. С. 457.

воинского движения, построенного на добровольческих началах, были основаны на глубочайшем национальном энтузиазме, с главной целью - освобождением Армении от турок... Они дрались фанатично, и ни турки, ни курды армян, как и армяне их, в плен не брали. Они уничтожали друг друга в бою безжалостно»¹⁹.

Именно на турецком фронте русским войскам пришлось столкнуться с «азиатской войной» - невиданным масштабом жестокостей, в том числе по отношению к мирному населению. «Из села выскочили десятка два конных курдов и в беспорядке широким наметом понеслись на юг, - вспоминал Ф.И. Елисеев. - Мы вскочили в село. Оно оказалось армянским. В нем - только женщины и дети. Все они не плачут, а воют по-звериному и крестятся, приговаривая: «Кристин!.. Кристин!.. Ирмян кристин!» Ничего не понять от них о событиях, происшедших в селе. Жестом руки успокаиваю их... А через версту, у ручейка, видим до десятка армянских трупов. Теперь нам стала ясна причина рыданий и скрежета зубов женщин в селе. Все трупы еще свежи. У всех позади связаны руки. И все с перерезанным горлом. Одежда подожжена и еще тлела. Все молодые парни с чуть пробивавшимися черными усиками. Картина жуткая. Казаки молча смотрели на них. И для них, как христиан, лик войны менялся. Они возненавидели курдов и жаждали мщенья»²⁰. Типичным зрелищем, которое встречали на своем пути русские, было «армянское село с православной церковью, где навалены трупы женщин и детей, зарезанных в ней курдами. Картина страшная...»²¹

Особенно горько было узнать о судьбе города Ван, жители которого в мае 1915 г. ликующе приветствовали их как своих освободителей и защитников, «безусловно уверенные» в том, что «теперь-то, при помощи русских победных войск, будет освобождена и построена их Великая Армения». Никто тогда еще не знал, что «не позже чем через два месяца все жители города Ван и всего округа переживут жуткую трагедию и их дивный город будет разграблен курдами и сожжен...»²². Впоследствии вновь побывавшие в гостеприимном Ване русские солдаты застали там полное запустение. Они узнали, что после оставления города весной «в него вошло до 200 конных курдов. Разграбив его и дорезав оставшихся там больных и дряхлых армян, курды подожгли город и ушли». Город был razoren настолько, что русским полкам пришлось остановиться биваком за городской чертой. «Ужасно там... - рассказывали очевидцы. - Слово никогда и не существовало этого цветущего города с 200-тысячным населением, со своим добром, со своими роскошными садами»²³. Подобные

¹⁹ Елисеев Ф.И. Указ. соч. С. 85-86.

²⁰ Там же. С. 90-91.

²¹ Там же. С. 93.

²² Там же. С. 102.

²³ Там же. С. 139.

картины зверств турецких войск и мусульманских племен по отношению к единоверцам русских провоцировали ответную жестокость, проявления которой на этой войне были отнюдь не редки. Так, увидев разорение армянского города Ван «2-я Забайкальская казачья бригада ... отошла на восток, расстреляв заложников-курдов»²⁴.

Жестокость «азиатской войны», геноцид турок по отношению к мирному христианскому населению отягощающе влияли на моральное состояние русских войск, чувствовавших свою вину за невозможность оградить дружественный народ, его женщин, детей и стариков от преследований врага: «Как их спасти, куда везти - мы не знали. Кругом витала смерть, и они своим беспомощным присутствием только отягощали войска, вносили естественное сердоболие в души казаков, столь отрицательный элемент в войнах»²⁵.

Непосредственное соприкосновение русских войск с турками на территории, населенной преимущественно иными этническими группами, происходило либо в ходе боевых действий против регулярных турецких частей, либо при общении с военнопленными. И по сравнению с «дикими» курдами они воспринимались как гораздо более «цивилизованный», почти «европейский» противник, который признавал определенные правила воинской этики. Например, возглавлявший плененный казаками батальон «турецкий капитан, небольшого роста, сухощавый, с тонкими и благородными чертами лица матового цвета, выбритый, но с пышными черными усами в стороны», при встрече вежливо отдал русским офицерам честь, и они ответили ему тем же²⁶. И если курдские иррегулярные части воспринимались как «дикари» и «оборванцы», то оценка турок, даже пленных, была качественно иной: «Турецкие солдаты - молодые и бодрые. Хорошо обмундированы. Лица открытые, смелые. Упадка воинского духа в них не было заметно»²⁷.

Иногда турки вызвали даже сочувствие, особенно когда «субъект восприятия» обладал рефлексивными способностями, задумывался о смысле войны и пытался представить себя на месте противника. Вот описание одного боевого эпизода, в котором свидетель отдает дань уважения храбрости врага и видит в нем такого же, как он сам, человека: «А турки... бедные турки! Бедные люди... такие же, как и мы, воины, у которых есть и свое отечество-государство, есть и свои святые обязанности перед ним, как и у нас, казаков. Есть у них своя отличная воинская дисциплина, и свои семьи, и свои хаты... Семьи томительно будут ждать от них вести с фронта «об их здоровье и благополучии», но... их они уже никогда не получают! Они, турки, всегда храбрые солдаты своей Великой Турецкой империи,

²⁴ Там же.

²⁵ Там же. С. 108-109.

²⁶ Там же. С. 161.

²⁷ Там же.

под казачьими выстрелами как-то сразу странно остановились. Некоторые немедленно попадали на землю и не встали, другие быстро повернули назад, устало побежали и стали падать, падать и ... не вставать уже. Из-за перевала показалась новая группа турок. Видя гибель своих, немедленно же рассыпалась в цепь и двинулась вперед, на поддержку»²⁸.

Образ турецкого врага дополняли и сведения о порядках на турецком флоте. Так, в газете «Вестник X армии» от 12 мая 1915 г. была опубликована заметка «Турок, сдавших суда, казнят». В ней говорилось: «Из Севастополя сообщают, что последнее время команды турецких судов, застигнутых нашим флотом в море, после первого же выстрела наших кораблей поспешно высаживаются в шлюпки. Однако турки плывут не к берегу, который обыкновенно находится очень близко, а едут по направлению к нашему флоту, находящемуся в нескольких верстах. Оказывается, что тех турок, которые при потоплении нашим флотом вражеских судов избегают нашего плена, турецкое правительство приказывает казнить как изменников и предателей»²⁹. Сведения о подобных порядках, непривычных для дореволюционной русской армии, возвращали читателю прежние представления о турках как о восточном народе, ведущем войну с азиатской жестокостью даже в отношении «своих».

В целом Турция - этот давний недруг России, с которым она вела кровопролитные войны на протяжении нескольких столетий (в XVII-XIX вв.), - в Первую мировую войну воспринималась русским сознанием как противник второстепенный, слабый и зависимый от более сильного врага - Германии. На Кавказском театре боевых действий русская армия столкнулась с еще более дифференцированным противником, нежели на европейском представляли собой австро-венгерские войска. Преследуемое христианское население было враждебно настроено по отношению к турецким властям и дружелюбно к русским. Неоднородной была и мусульманская часть населения турецких территорий, на которых велись боевые действия. Русские войска сталкивались и с нерегулярными формированиями курдских племен, и с частями турецкой армии, наблюдая врага и в ходе боевых действий, и в быту. Как и в других войнах здесь проявился весьма широкий спектр оценок и чувств по отношению к противнику: ненависть к жестокому «азиатскому» и «иноверческому» врагу при уважении к его храбрости, восприятие иной социокультурной среды со смешанным чувством любопытства, снисходительности и европейского высокомерия, сочувствие к страданиям мирного христианского населения при нередких случаях бесцеремонности оккупационных войск и даже их жестокости по отношению к мусульманам, и т.д. Однако, по мере того, как война затягивалась, накапливались усталость и антивоенные настроения, противник,

²⁸ Там же. С. 173.

²⁹ РГВИА. Ф. 2019. Оп. 1. Д. 730. Л. 14об.

независимо от его национальности и вероисповедания, все более воспринимался как такой же человек, не по своей воле поставленный в безвыходную ситуацию «пушечного мяса».

Об авторе:

Елена Спартаковна Сенявская – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института российской истории Российской академии наук, лауреат Государственной премии Российской Федерации